А 183/44

цертелев.

Ф 183
44

Кн. П. Цертелевъ.

КОНЕЦЪ СОМНѢНІЯМЪ.

МОСКВА.
—
1898.

А 183
44

КОНЕЦЪ СОМНѢНІЯМЪ.

А 183
44

МОСКВА.
Университетская типографія, Страстной бульваръ.
1898.

Напечатано въ № 66 *Моск. Вѣд.* 1898 года.

Дозволено цензурою. Москва. 31 марта 1898 года.

2007058221

КОНЕЦЪ СОМНѢНІЯМЪ.

Когда въ концѣ пятидесятыхъ годовъ началась государственная работа по вопросу объ отмѣнѣ крѣпостного права, очень небольшая часть русскихъ людей была твердо увѣрена, что это дѣло уже близко къ желанному концу. Какъ странна была эта неувѣренность на ряду съ тою назрѣлостью дѣла, которая была очевидна! Эта назрѣлость явилась не скороспѣлою: она шла издавна; лучшіе умы русской земли, еще съ конца прошлаго вѣка, высказывались противъ крѣпостного права; сама императрица Екатерина II, уступая необходимости государственной охраны, защищая Россію, для будущности ея, отъ пугачевщины и т. п. явленій, хотя закрѣпляла вольныхъ людей, но уже отдавала на общественное обсужденіе вопросъ о *преимуществѣ свободнаго труда предъ крѣпостнымъ*; фонъ-Визинъ осмѣивалъ крѣпостничество съ тонкимъ художественнымъ юморомъ; Радищевъ говорилъ противъ него съ гру-

бымъ увлеченіемъ, за которое поплатился сильнѣе нежели бы стоило. Державинъ, съ высокимъ чувствомъ поэта-гражданина, писалъ:

„Я князь—коль мой сіяетъ духъ;
„Боляринъ—коль душой болѣю—
„Царю, народу—вѣрный другъ“.

Позднѣе—Грибоѣдовъ, въ поэтическомъ монологѣ Чацкаго, заклеймилъ всѣ низкія стороны крѣпостнаго права; наконецъ геній Пушкина ясно пропѣлъ свое—

„Увижу-ль я когда народъ освобожденный
„И рабство, падшее по манію Царя!“

Сердечный стихъ Пушкина, барина въ лучшемъ смыслѣ слова, помѣщика-дворянина до глубины души, ясно выразилъ сознаніе всей современной ему образованной Россіи; а сердечныя слова благодарности, высказанныя Императоромъ Александромъ Благословеннымъ въ отвѣтъ поэту, уже были залогомъ того, что близко время великаго дѣла. Оно замедлилось въ царствованіе Императора Николая наступившими годами борьбы за цѣлость Россіи и ея государственнаго строя. Въ этомъ замедленіи еще разъ въ Исторіи Россіи выразилось высокое, спасительное значеніе преемственной монархической власти; она помышляла больше о своей Россіи нежели о

своемъ величіи, которое рѣшеніемъ дѣла стяжало бы себѣ новый, блестящій ореолъ славы. Мудрый Императоръ передалъ великое дѣло въ руки своего вѣнценоснаго Преемника.

Но когда въ Россіи, обезпеченной извнѣ, успокоенной внутри, началась работа внутренняго преобразованія, — развѣ не странно было то маловѣріе въ конецъ дѣла, которое было замѣтно тогда? Нѣтъ, не странно; въ этой недовѣрчивости, напротивъ, высказалось великое органическое начало народнаго сознанія; несмотря на всю подготовленность умовъ къ идеѣ преобразованія, несмотря на упованія всѣхъ духовныхъ силъ русскаго общества,—еще недоставало того, что̀ поэтическій геній Пушкина назвалъ „*маніемъ Царя*“,—недоставало еще слова царскаго, которое, по русскому сознанію, даетъ твердость каждому государственному дѣлу,—слова, безъ котораго, какъ бы ни было назрѣвшимъ и подготовленнымъ, дѣло не переходитъ въ государственную жизнь.

Зато, когда это слово раздалось, когда Императоръ Александръ II высказалъ свою волю,—вѣра въ дѣло,—полнѣйшая вѣра, замѣнила всѣ сомнѣнія; энергическая работа пошла во всѣхъ концахъ Россіи, и то, что̀ въ 1859 году было только предметомъ разсужденій, въ 1860 году стало уже про-

ектомъ закона, а 19 февраля 1861 года было введено въ жизнь во всѣхъ концахъ Россіи.

Настоящее время невольно напоминаетъ тѣ далекіе годы, которые мы переживали и въ свѣтлыхъ упованіяхъ, слагавшихся въ тѣсныхъ общественныхъ кругахъ, и въ широкомъ просторѣ вѣяній, перешедшихъ въ кругъ государственной дѣятельности, послѣ твердо сказаннаго царскаго слова. Тогда этимъ словомъ было указано *государственное положеніе крестьянскаго населенія*. Теперь царскимъ словомъ, въ знаменательномъ рескриптѣ на имя предсѣдателя Комитета Министровъ, указано *государственное положеніе помѣстнаго дворянства*. И теперь, какъ и тогда, голосъ Монарха раздался послѣ многихъ предварительныхъ работъ и обсужденій въ отдѣльныхъ учрежденіяхъ; и теперь, какъ и тогда, послѣ этого голоса—*нѣтъ мѣста сомнѣніямъ*; учрежденіе, вновь образованное Высочайшею волей, для выполненія дѣла—исполнить эту Волю. Поэтому въ сторону должны отойти всѣ страхи о томъ, будто дѣло устроенія русскаго помѣстнаго дворянства можетъ быть затруднено, потому что въ средѣ самого дворянства образовалась уже партія, требующая поглощенія государственно-сословной дѣятельности всесословностью.

Несомнѣнно, что при ненормальномъ положеніи, въ какое было поставлено помѣстное дворянство со введеніемъ земскихъ учрежденій, при возможности не иначе какъ подъ ихъ покровомъ сохранять за собой бо́льшую часть своей привычной общественной дѣятельности,—несомнѣнно что при подобныхъ условіяхъ многіе изъ дворянства уже составили себѣ привычку считать земскія учрежденія своимъ пріютомъ, въ которомъ можно дѣйствовать и работать за счетъ повинностей, налагаемыхъ на все населеніе самимъ же земскимъ собраніемъ; это совершенно законное явленіе въ томъ земскомъ сумбурѣ, который развился на широкомъ просторѣ.

Но, во-первыхъ,—*многіе* не значитъ большинство; а во-вторыхъ, — еслибы не было налицо печальнаго положенія поземельнаго дворянства, еслибы не было упадка его, то не существовало бы и потребности мѣръ къ возстановленію исконнаго государственнаго значенія дворянства; оно, значитъ, сохраняло бы свое государственное положеніе и продолжало бы, по прежнему, *по старинѣ*, служить на благо государства и среди мѣстнаго населенія, какъ и въ государственныхъ учрежденіяхъ. Но въ томъ-то и дѣло, что высшее сословіе государства, какъ это признала сама Верховная Власть, поколеблено въ своемъ законно-государственномъ положеніи;

въ томъ-то и задача, чтобъ это высшее сословіе, угнетенное и приниженнное, по причинамъ отъ него независящимъ, было возстановлено въ его историческомъ значеніи.

Органъ охранительной русской печати говоритъ объ этомъ съ оттѣнкомъ страха, указывая на сердце Россіи, Москву, среди которой будто бы возможна какая-то новодворянская оппозиція въ этомъ смыслѣ. Большой флюгеръ петербургской жизни отвѣчаетъ, будто бездѣйствіе дворянской партіи проистекаетъ отъ того, *что и эта партія убѣдилась въ нелѣпости навязываемыхъ ей задачъ.* Мы позволимъ себѣ повторить нашу давнишнюю формулу—что *помѣстное дворянство необходимо для государства, а не для самого себя;* у насъ—оно не титулъ, а обязанность; титулъ въ нашемъ дворянствѣ явленіе исключительное и можетъ имѣть серіозное значеніе только для того лица, которое само заслужило его передъ отечествомъ.

При такомъ положеніи—*нелѣпость задачъ* отпадаетъ; а тревожный страхъ охранительной печати можетъ быть принятъ съ тѣмъ же сочувствіемъ, съ которымъ встрѣчались, наканунѣ крестьянской реформы, всѣ страхи за участь ея.

Оппозиція изъ среды самаго дворянства, направленная противъ его государственнаго бытія, по-

верхностна и легкомысленна; она можетъ имѣть значеніе только подъ условіемъ верховенства земскихъ учрежденій, въ ихъ настоящемъ, неопредѣленномъ видѣ; рано или поздно—потребность самоохраненія государства неизбѣжно приведетъ наши органы мѣстнаго хозяйства къ опредѣленному значенію, согласному съ формой самаго Государства, которое волею Провидѣнія и міровыми законами жизни развилось въ сословномъ строѣ.

Узкое понятіе или затаенный злой разсчетъ могутъ указывать въ возстановленіи значенія помѣстнаго дворянства какое-то попятное движеніе государственнаго развитія. Мы этого не видимъ, также точно какъ не видѣли его и въ отмѣнѣ крѣпостнаго права. Что же въ сущности выражала собою эта отмѣна, какъ не *возстановленіе государственнаго значенія крестьянскаго сословія?* Было время, на Руси—крестьяне были свободные люди. Настали тяжелыя времена, вражьи силы рвали Русь со всѣхъ сторонъ; внутри царства—смуты и—*воры*, какъ ихъ характерно называли лѣтописцы, растаскивали государственную власть. Эта власть нашла необходимымъ закрѣпить массы населеній на мѣстахъ жительства, лишивъ ихъ права самовольныхъ переходовъ и подчинивъ ихъ владѣльцамъ земель; та же государственная власть,

въ тѣхъ же цѣляхъ охраны цѣлости государства, узаконила крѣпостное право. Прошли тяжелыя времена, прошло время смутъ и *воровствъ*; крѣпостное право потеряло свой смыслъ, и государственная власть возстановила прежнее старинное государственное значеніе свободныхъ крестьянъ. Развѣ это возвращеніе къ старинѣ было попятнымъ движеніемъ государственной жизни? Нѣтъ, это было движеніе впередъ, къ свѣту и правдѣ.

Нѣчто аналогическое въ жизненномъ процессѣ Россіи представляетъ и положеніе помѣстнаго дворянства. Было время— бояре были царскими совѣтниками и вожатаями ратныхъ силъ, на защиту Царя и Отечества; а боярскія дѣти и дворяне – служилымъ сословіемъ; затѣмъ—служилость исключительно ратная перешла на службу, *крпткую земли*, помѣстную, вызванную государственною потребностью охранить русскую землю отъ смутъ, бродячихъ движеній и *воровскихъ дѣлъ*; затѣмъ къ дворянству, *по государственной необходимости. было пристегнуто* крѣпостное право.

Когда развитіемъ царской власти, при сословномъ строѣ, русское государство окрѣпло настолько, что крѣпостное право потеряло свой смыслъ,—оно было упразднено тою же Верховною властью, при дружной работѣ представителей всего дворянства, при-

званныхъ царемъ къ великому дѣлу. Было ясно, что *упразднено крѣпостное право*, а не помѣстное дворянство; такъ точно какъ съ другой стороны — упразднено не крестьянство, а крѣпостная зависимость его.

Но, во слѣдъ за великимъ дѣломъ обновленной Россіи, какъ и въ смутныя времена старой Руси, явились и внѣшніе враги, и *воры*, растаскиватели царской власти — только въ иныхъ формахъ; внѣшними врагами явились не Поляки и Татары, а внѣшніе займы и концессіи, матеріально обезсилившіе государство; ворами явились не *Гришки* и *разстриги*, а люди съ головами, свихнувшимися въ напряженномъ стремленіи къ безпочвенной, внѣнародной жизни. Среди сумбура, поднявшагося вокругъ этихъ враговъ, значеніе высшаго государственнаго сословія принизилось, какъ принизилась и всякая власть и сила, и всякій разумъ государственной жизни.

Минуло это тяжелое время, оставивъ исторіи Россіи неизгладимо позорную страницу 1-го марта. Благое царствованіе Императора Александра III осѣнило Россію и свѣтомъ, и миромъ. Назрѣвшая потребность возстановленія государственнаго смысла дворянства уже была признана глубоко-мыслившимъ Царемъ.

Теперь, когда Его Державный Преемникъ сказалъ свое верховно-властное слово и указалъ путь къ дѣлу,—теперь уже нѣтъ болѣе препонъ къ возстановленію помѣстнаго значенія дворянства, внѣ крѣпостнаго права, какъ въ свое время не стало препонъ возвращенію государственнаго значенія крестьянскаго сословія внѣ крѣпостной зависимости.

Противники помѣстнаго дворянства, выходящіе изъ него самого, иногда оправдываютъ свои взгляды предположеніемъ, что напрасно поддерживать то, что̀ *отжило свой вѣкъ*, и заботиться о томъ, *чьи дни уже сочтены*. Но такія рѣчи выходятъ либо отъ умовъ, хотя и высокоразвитыхъ, но погруженныхъ въ теоретическое созерцаніе, пренебрегающее простою дѣйствительностью жизни, либо отъ нахальства случайно поднявшихся головъ, либо отъ головъ не случайно поднятыхъ, какъ тѣ колосья нивы, которые стоятъ, всегда поднявшись вверхъ, среди склонившихся колосьевъ; на дѣлѣ мы знаемъ, что и въ самые послѣдніе годы, только опираясь на помѣстное дворянство, при учрежденіи земскихъ начальниковъ, правительство получило возможность хотя сколько-нибудь упорядочить сельскую жизнь; на дѣлѣ—весь міръ знаетъ, что великая реформа современной Россіи—отмѣна крѣпостнаго права, совершилась, по волѣ Монарха, исключительно тру-

дами помѣстнаго дворянства. Мы—современники ея—мы не можемъ забыть, что верховный руководитель ея,—Императоръ Александръ II, наканунѣ реформы, благосклонно принимая весь составъ губернскаго дворянскаго собранія, произнесъ эти многознаменательныя слова: *„Я вѣрю вамъ; вѣрьте мнѣ, господа, — Я самъ считаю Себя первымъ дворяниномъ Россіи“* *...

Этой вѣры въ своего Монарха, этой нравственной связи между Русскимъ Царемъ и русскимъ дворянствомъ, никогда не могли поколебать никакія смуты, никакія—по выраженію лѣтописца—„воровскія дѣла“.

И никогда не поколеблютъ.

КН. П. ЦЕРТЕЛЕВЪ.

Петербургъ,
1898 г., 6-го марта.

---

* Императоръ Александръ II въ сентябрѣ 1859 года посѣтилъ городъ Полтаву и тогда же благоволилъ принять весь составъ губернскаго дворянскаго собранія, въ то время засѣдавшаго въ очередномъ, трехлѣтнемъ съѣздѣ.

2007058221